Профессор-протоиерей Ливерий ВОРОНОВ
(Ленинград)

ДОКУМЕНТЫ И АКТЫ, ВХОДЯЩИЕ В СОСТАВ „ДЕЯНИЙ ПЕРВОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА 325 ГОДА"

§ 1. Материалы, относящиеся к истории Первого Вселенского Собора, помещенные в «Деяниях Вселенских Соборов», изданных Казанской духовной академией (ст. ст. I—XIX)

Материалы, включенные в 1-й раздел I тома сборника «Деяний Вселенских Соборов», изданного на русском языке Казанской духовной академией (Собор Никейский Вселенский Первый, с. 15—90, по 3-му изданию 1911 г.), могут быть разделены на следующие две группы:

1) Материалы, относящиеся непосредственно к деятельности Первого Вселенского Собора (статьи V—XVIII) и

2) Материалы, имеющие лишь косвенное отношение к истории этого Собора (статьи I—IV, XIX).

Вторую группу материалов, затрагивающую вопросы предсоборной (I—IV) и послесоборной (XIX) деятельности, мы оставим без рассмотрения и обратимся прямо к материалам первой группы.

§ 2. Материалы, относящиеся непосредственно к деятельности Первого Вселенского Собора (статьи V—XVIII)

Из 14-ти подлежащих рассмотрению статей сборника «Деяний Вселенских Соборов» наибольшее значение, естественно, имеют те, которые передают текст соборных «деяний», то есть документов, возникших в результате соборной деятельности и исшедших от лица Собора (статьи IX, XI и XVI). За ними следуют статьи, передающие текст документов, составленных отдельными участниками Собора: Евсевием, епископом Кесарийским (ст. XVII), и императором Константином[1] (статьи XIII, XIV и XV). Остальные статьи, заимствованные из сочинений церковных историков и писателей и содержащие[2] сообщения о соборной деятельности (статьи VIII, X) и о произнесенных на Соборе речах (статьи V, VI, VII, XVIII), имеют меньшее значение, как обладающие малой степенью достоверности (статьи VIII, X), или затрагивающие по преимуществу внешнюю деятельность Собора (статьи V—VII, XVIII).

§ 3. «Деяния» Первого Вселенского Собора, то есть исшедшие от лица Собора документы и акты (IX, XI, XVI)

Следуя проф. В. В. Болотову[3], под актами Собора (в смысле письменно изложенных соборных определений и постановлений)[4] мы подразумеваем те «деяния», или скрепленные подписями присутствовав-

---

[1] Император Константин на Соборе располагал, по-видимому, правом голоса, хотя и совещательного (Проф. В. В. Болотов. Лекции по Истории древней Церкви, т. III, с. 48).

[2] За исключением справки издателей «Деяний» (ст. XII), где перечисляются наиболее выдающиеся участники Собора на основании различных исторических свидетельств.

[3] Лекции..., т. I, с. 134—135; т. IV, с. 25—26.

[4] Срав. К. Смирнов. Обозрение источников истории Первого Вселенского Собора. Ярославль, 1888, с. 17.

ших епископов документы Собора, в которых вкратце изложены положения, выработанные на Соборе и доводимые отцами Собора до сведения Церквей христианского мира в качестве обязательных церковных законов (κανόνες в широком смысле слова). Сюда должны быть отнесены:

1) Соборное изложение веры (ст. IX).

2) Правила Никейского Собора (κανόνες в узком смысле слова — ст. XI).

Под прочими же соборными документами мы понимаем «деяния», представляющие собой краткие письменные изложения соборной деятельности, составленные для отдельных Церквей и извещающие эти последние о тех или иных принятых на Соборе решениях и постановлениях. К таким документам относится послание Никейского Собора к Церкви Александрийской и прочим Церквам египетским (ст. XVI).

Подлинные акты (определения)[1] Никейского Собора до нас не дошли, хотя они несомненно существовали, что видно из многочисленных свидетельств древних церковных писателей и историков. Так, очевидец и участник Собора[2] св. Афанасий пишет: «Вера, какую Собор исповедал письменно, есть вера вселенской Церкви»[3]. «В Никее... присутствовали и подписали исповедание все, и даже отцы восстающих ныне против него»[4].

Другой очевидец и участник Собора Евсевий, епископ Кесарийский, свидетельствует: «Для согласного исповедания веры, спасительное празднование Пасхи надлежало совершать всем в одно и то же время. Поэтому сделано было общее постановление и утверждено подпиской каждого из присутствовавших»[5].

Сократ дополняет эти свидетельства сообщением о том что бывшие на Соборе епископы написали «и другие постановления, которые обыкновенно называли они правилами (κανόνες)» (Церковная история, I, 13). Здесь имеются в виду собственно «каноны», т. е. определения по дисциплинарным вопросам (20 правил Никейского Собора. Срав. блаж. Феодорит. Церковная история, I, 8). Надо полагать, что и под этими канонами стояли подписи участников Собора.

Мы не имеем безусловно достоверного текста соборного определения о Пасхе. Найденное Ж. Б. Питрой в греческом манускрипте и изданное им в своем «Spicilegium solesmens» (t. IV, col. 541) определение Никейского Собора о Пасхе нуждается еще, как отмечает К. Смирнов[6], в надлежащей научной оценке.

Проф. В. В. Болотов полагает[7], что относительно празднования Пасхи было сделано на Соборе лишь незаписанное, неоформленное постановление, имеющее характер товарищеского соглашения — праздновать Пасху согласно обычаю, установившемуся в Александрийской Церкви.

---

[1] Т. е. оригиналы актов.

[2] В качестве «письмоводителя», или секретаря, св. Александра, епископа Александрийского (Созомен. Церковная история, II, 17).

[3] Об определениях Никейского Собора, 27. Творения св. Афанасия, ч. 1, 1902, с. 437.

[4] Послание к африканским епископам, 10. Творения св. Афанасия, ч. 3, 1903, с 289; срав. Об определениях Никейского Собора, 3. Творения св. Афанасия, ч. 1, с. 402.

[5] Жизнь Константина, III, 14. Говоря о подписях епископов под определением о Пасхе, Евсевий, по-видимому, имеет в виду не отдельный акт по этому вопросу, а соборное послание к Церкви Александрийской (ст. XVI), содержащее краткое замечание относительно празднования Пасхи. Такой же смысл имеет, вероятно, и выражение св. Афанасия: «О Пасхе написали: постановлено нижеследующее» (О соборах, 5. Творения св. Афанасия, ч. 3, с. 96). Срав. ст. XV: «Постановлено — святейший праздник Пасхи совершать в один и тот же день».

[6] Цит. соч., с. 19—20

[7] Лекции..., т. II, с. 436.

Если это справедливо, то тем более кажется возможным, что и относительно мелетиан не было сделано особого письменного определения, а разрешение этого частного, имевшего отношение исключительно к Египту, вопроса нашло свое документальное отражение лишь в тексте соборного послания к Церкви Александрийской. Под этим посланием в оригинале несомненно также стояли подписи епископов.

Проф. А. П. Лебедев держится иной точки зрения в отношении определений о Пасхе и о мелетианах. «Оба последние определения, — пишет он, — сохранились, как можно думать, не в том виде, как они были редактированы отцами Собора» [1].

Итак, Никейскому Собору принадлежат в качестве «деяний» три документа, содержащие в себе решения по вопросам догматическим, обрядовым и дисциплинарным (статьи IX, XI, XVI), причем два из них (IX и XI) являются актами в смысле особых определений, имеющих характер категорически выраженных церковных законов. Все три документа были скреплены подписями участников Собора, среди которых стояли подписи и епископов арианствующей партии (кроме Феоны Мармарикского и Секунда Птолемиадского). Кроме того, они были утверждены императорской печатью [2], что придавало им силу государственных законов [3].

Как явствует из свидетельства Созомена [4], подлинные экземпляры этих деяний Собора хранились в государственном архиве в качестве государственных документов. До нас не дошли не только подлинные экземпляры соборных деяний, но и их полные копии (с включением перечня имен подписавшихся епископов). Впрочем, благодаря сохранившимся отрывкам мы располагаем вполне достоверным текстом важнейших соборных определений: Символа веры с приложенным к нему анафематствованием Ария и 20 правил Никейского Собора, а также приблизительным [5] текстом соборного послания к Александрийской Церкви.

Перечень имен подписавшихся под «деяниями» епископов до нас не дошел. Существующие списки участников Никейского Собора происходят, по-видимому, от другого первоисточника — от регистрационного списка прибывших на Собор епископов (об этом см. § 9б).

Символ веры (ст. IX)

Наиболее древней из дошедших до нас, а вместе с тем и наиболее точной, редакцией Никейского Символа считается редакция, сохраненная в приложении [6] к посланию св. Афанасия «об определениях Никейского Собора», каковым служит известное послание Евсевия, епископа Кесарийского, к своей пастве. У Миня послание Евсевия отделено от послания св. Афанасия: первое помещено в SG, t. 20, col. 1536—1544, а второе — в SG, t. 25. У Монфокона же они приведены совместно.

Кроме упомянутой лучшей редакции Евсевиева послания, имеются и другие: у Сократа (I, 8), блаж. Феодорита (I, 12), Геласия (История Никейского собора, II, 34—35). Текст Символа в Феодоритовой редакции довольно значительно разнится от текста как Афанасиевой, так и Сократовой редакции. Еще больше отличий содержит текст Геласиевой редакции.

---

[1] Происхождение актов Вселенских Соборов. 2-е прилож. к сочинению «Духовенство древней Вселенской Церкви». М., 1905, с. 482, 3-е подстр. примеч.

[2] Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина, IV, 27.

[3] См. Rufin. Hist. eccl., I, 5.

[4] Церковная история, II, 21.

[5] В редакциях Сократа, блаж. Феодорита и Геласия имеются некоторые разности

[6] «Посему приложил я в конце Евсевиево послание, чтобы из него увидеть тебе неблагодарность к своим учителям этих христоборцев...» Творения св. Афанасия, ч. 1, с. 403, § 3.

В «Деяниях Вселенских Соборов», изданных Казанской духовной академией, текст Символа веры приведен дважды: в ст. IX (Соборное изложение веры) — из послания св. Афанасия к императору Иовиану — и в ст. XVII (Послание Евсевия к пастве) — в основном по Геласиевой редакции.

Проф. А. П. Лебедев поставляет издателям «Деяний» в минус неиспользование ими более древних и более исправных редакций как послания Евсевия, так и заключенного в нем текста Никейского Символа[1]. Это же замечание (в отношении Евсевиева послания), по справедливости, относится и к изданию Манси[2].

Правила Никейского Собора (ст. XI)

20 правил Первого Вселенского Собора с древнейших времен распространялись в многочисленных списках как на греческом, так и на других языках.

Наиболее древние сохранившиеся до нас рукописи, содержащие текст никейских канонов, восходят к IX в. по Р. Х. Так, В. Н. Бенешевич в своем труде «Древнеславянская Кормчая. XIV титулов без толкований»[3] корректирует греческий текст 20 правил Первого Вселенского Собора путем привлечения древнейших списков «Синтагмы 1-й редакции (Трулльской) конца VII века», а именно двух Патмосских списков (Patm. 172 — первой половины IX в. и Patm. 173 — второй половины IX в.).

Как известно, Руфин насчитывал 22 правила Никейского Собора. Но это объясняется тем, что некоторые правила были им разбиты на два (6-е — на 6-е и 7-е; 8-е — на 9-е и 10-е; 16-е — на 17-е и 18-е; 19-е — на 21-е и 22-е), два правила (9-е и 10-е) объединены в одно (11-е), а одно (20-е) — совсем опущено.

В «Послании св. Афанасия к папе Марку»[4] говорится о сожжении арианами «70-ти глав» Никейского Собора, что как будто указывает на гораздо большее (чем 20) число соборных определений. Однако это послание принадлежит к числу произведений несомненно подложных (spuria), и его свидетельство не заслуживает никакого доверия[5].

Некоторые древние писатели (папы Юлий и Лев, блаж. Августин, св. Амвросий Медиоланский и другие) свидетельствуют о таких постановлениях Никейского Собора, которые отсутствуют среди известных нам 20 правил. К. Смирнов обстоятельно рассматривает все такие свидетельства и приходит к заключению, что они представляют собой или выводы из действий самого Никейского Собора, или выводы из его 20 правил, или, наконец, простое недоразумение. Так, например, ссылки папы Юлия, а затем папы Льва на правило, предоставляющее право бо́льшим Соборам рассматривать, в случае надобности, деяния и постановления меньших Соборов, суть лишь выводы из действий Никейского Собора, который, отвергнув определения арианского собора (в Вифинии, 323 г.), подтвердил определения православного Александрийского Собора 321 г. Блаж. Августин, указывая, что Никейский Собор запретил поставлять к Церкви епископа, пока жив еще прежний епископ, по всей вероятности, имеет в виду последние слова 8-го правила: «...чтобы в одном городе двух епископов не было». Св. Амвросий определенно и ясно говорит о никейском постановлении, в силу которого двоеженцы исключаются из клира. К. Смирнов полагает, что в данном

---

[1] «Вселенские Соборы IV—V веков». Изд. 3. СПб., 1904, с. 43, 2-е подстр. примеч.; с. 48, подстр. примеч.

[2] См. К. Смирнов. Цит. соч., с. 35, подстр. примеч.

[3] Т. I, СПб., 1906, с. 83—93.

[4] Migne, SG, t. 28, col. 1445—1446.

[5] К. Смирнов. Цит. соч., с. 28.

случае имело место недоразумение. В древности нередко правила различных Соборов соединялись в общие сборники, которые озаглавливались как постановления которого-нибудь одного из этих Соборов. Так, например, правила Сардикийского (Сердикского) Собора почти во всех западных коллекциях соединялись с правилами Никейского Собора и известны были под именем никейских. Нечто подобное могло иметь место и в данном случае: быть может, экземпляр канонических постановлений, которым пользовался св. Амвросий, содержал в себе и другие (в действительности не никейские) правила, действовавшие в местной, Медиоланской, или вообще западной Церкви.

В XVI в. были найдены так называемые «арабские каноны». Составитель этого сборника в предисловии говорит, что каноны и постановления Никейского Собора были собраны отдельно в 3-х книгах[1] Однако входящие в состав сборника правила оказываются, за исключением 20 действительно никейских, неподлинными и принадлежат разным векам и различным Вселенским и Поместным Соборам. Справедливым поэтому представляется замечание К. Смирнова, что «если предисловие обладает такой же степенью вероятности, как и самые арабские каноны (а это несомненно так), то незачем и разбирать показание предисловия»[2].

Таким образом, по-видимому, можно с уверенностью считать, что Первому Вселенскому Собору принадлежат только 20 (а не 40, как утверждают некоторые западные канонисты, и не 85, как гласит арабское собрание правил) канонов, о которых упоминается у блаж. Феодорита, Руфина и в послании Карфагенского Собора 425 г. к папе Целестину (у Вальсамона)[3]. Только 20 общеизвестных правил Никейского Собора содержатся и в коптских и сирийских актах.

Соборное послание отцов Никейского Собора к Церкви Александрийской (ст. XVI)

Послание это имеется у Сократа (I, 9), блаж. Феодорита (I, 9) и Геласия (II, 33). В нем отцы Никейского Собора, прежде всего, извещают Церковь Александрийскую и всех верующих Египта, Пентаполя и Ливии о состоявшемся низложении Ария[4], а также о решении Собора касательно Мелетия и мелетиан. Окончив изложение этих постановлений, которые «собственно и исключительно относятся к Египту и святейшей Александрийской Церкви», отцы Собора указывают далее, что относительно «прочих постановлений и определений (имеются в виду, по-видимому, соборные акты: Символ веры и 20 канонов. — *Л. В.*), составленных в присутствии владыки и досточтимейшего сослужителя и брата нашего Александра, ...гораздо точнее и подробнее передаст сам он, так как он был главным деятелем и участником во всем, что происходило на соборе». Затем следует краткое уведомление о том, что Собор пришел к единодушному решению — праздновать Пасху повсеместно в один день[5].

---

[1] См. Mansi. Sacr. conc. coll., t. II, col. 1063.

[2] Цит. соч., с. 29.

[3] Hefele. Conciliengeschichte, 2 Aufl., B. I, 1873, S. 340. Срав.: Епископ Иоанн. История первых трех Вселенских Соборов. М., 1871, с. 54, подстр. примеч.

[4] Документ XVI имеет, между прочим, значение свидетельства о том, что только два епископа (Феона, Мармарикский и Секунд Птолемаидский) решились поддерживать учение Ария до конца и разделили участь ересиарха.

[5] Дюшен в 1880 г. показал, что Никейский Собор в вопросе о Пасхе имел дело не с четыренадесятниками, а с сирийскими протопасхитами (В. Болотов. Лекции..., т. II, с. 437 и далее). Последние совершали Пасху, хотя и в воскресенье, но сообразно с практикой определения пасхи иудеями и потому допускали празднование Пасхи и ранее равноденствия. (См. доклад В. В. Болотова о пасхалии, читанный им в Комиссии по вопросу о реформе календаря в 1899 г.)

Как уже упоминалось, под соборным посланием стояли подписи участников Собора, и документ был скреплен императорской печатью[1]

§ 4. Документы, составленные отдельными участниками Собора (статьи XIII, XIV, XV, XVII)

Наибольший интерес среди документов этой категории представляет «Окружное послание Евсевия, епископа Кесарии Палестинской» (ст. XVII). Мы уже отмечали, что наилучшей редакцией этого послания является Афанасиева (в приложении к посланию св. Афанасия «Об определениях Никейского Собора»). Послание было написано Евсевием вскоре после окончания Никейского Собора, но до возвращения в свою епархию.

После того, как трудами Зееберга, проф. А. А. Спасского, проф. А. И. Бриллиантова и проф.-свящ. Д. Лебедева была доказана подлинность открытого в 1905 г. Э. Шварцем послания 56 епископов Антиохийского Собора к «Александру, епископу Нового Рима», стало очевидным, что Евсевий Кесарийский присутствовал на Никейском Соборе как лицо, вынужденное, несмотря на свое влиятельное положение, быть постоянно готовым встретиться с возможными обвинителями его в неправославии. Антиохийский Собор 324 г. отлучил его от церковного общения вместе с Феодотом Лаодикийским и Наркиссом Неронпадским, предоставив окончательное решение по этому делу «великому и священному Собору в Анкире», т. е. Вселенскому Собору, который, как известно, состоялся вместо Анкиры в Никее.

В русской богословской науке высказывались весьма различные суждения относительно догматической позиции Евсевия Кесарийского, равно как и весьма по-разному оценивалось его поведение на Соборе. Резким и нелестным для нравственного престижа Евсевия отзывам прот. А. В. Горского[2], проф. А. П. Лебедева[3], Н. П. Розанова противостоят более спокойные и, возможно, более объективные суждения прот. А. Иванцова-Платонова[4], М. Д. Муретова[5], проф. В. В. Болотова[6], митрополита Иоанна (Вендланда)[7]. Как бы то ни было, попытка Евсевия стать лидером догматической деятельности на Соборе 325 г. оказалась неудачной.

Как видно из текста послания, Евсевий предложил Собору свое вероизложение, составленное в библейских выражениях, однако не содержавшее в себе ничего такого, чем решительно исключалось бы арианское учение о Сыне Божием. «Чтобы угодить многочисленной партии православных епископов, — говорит проф. А. П. Лебедев, — он согласно с их желанием излагает внесенное им в собрание отцов вероопределение словами Писания. Чтобы найти себе сочувствие в не менее многочисленной партии... почитателей богословствования Оригенова, во главе которых стоял и сам Евсевий, он излагает вероопределение в выражениях, встречающихся в сочинениях Оригена и его любимых последователей. Наконец, чтобы угодить группе богословов строго арианских, или евсевианам, он внес в свой символ неопределенности, общие места, которые могли обращать в свою пользу евсевиане, вкладывая в них свой смысл»[8].

---

[1] См. Жизнь Константина, III, 14, 23.

[2] Прот. А. В. Горский. Жизнь св. Афанасия. М., 1851, с. 43.

[3] Проф. А. П. Лебедев. Вселенские Соборы IV—V веков, с. 37—38.

[4] Прот. А. Иванцов-Платонов. Религиозные движения на Востоке в IV—V веках. М., 1881.

[5] Проф. М. Д. Муретов. Возражения на книгу Н. Розанова «Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской».

[6] В. Болотов. Лекции..., т. I, с. 141.

[7] «ЖМП», 1965, № 11, с. 63—64.

[8] А. Лебедев. Цит. соч., с. 37—38.

Император Константин выразил свое одобрение Символу. Но затем, без сомнения, по внушению некоторых отцов Собора[1], он предложил внести в этот Символ слово ὁμοούσιος. С этого момента линия, намеченная Евсевием, терпит поражение за поражением. Несмотря на сопротивление оригенистов, православные слово за словом изменяют Евсевиев Символ, выковывая таким образом новое действенное оружие против арианства. Проф. В. В. Болотов, имея в виду этот процесс переработки Символа Евсевия отцами Собора, говорит, что «символ кесарийский лег только в основу Никейского, а был принят текстуально»[2].

Что касается самого Символа Евсевия, то несомненно в его основе лежал крещальный Символ Кесарие-Палестинской Церкви. Но вряд ли можно вполне отождествлять Евсевиев символ с этой «старинной кесарийской святыней», как это делают И. В. Чельцов[3], прот. А. Иванцов-Платонов, М. Д. Муретов. Пользуясь правом члена Собора, Евсевий мог внести и, вероятно, действительно внес в этот Символ отдельные изменения, не искажающие его сущности, но рассчитанные на то, чтобы придать ему наиболее удобоприемлемую для всех форму. В подтверждение такого предположения, высказанного и обоснованного проф. А. П. Лебедевым, К. Смирнов приводит еще один довольно убедительный аргумент: он обращает внимание на то, что Евсевий в своем послании к кесарийцам пишет: «Мы сочли необходимым послать к вам предложенную нами формулу веры» и далее дословно приводит эту формулу. «Если бы, — говорит Смирнов, — символ, внесенный Евсевием на Собор, был символом Кесарийской Церкви, то Евсевию не было бы необходимости посылать его к своей пастве; ему достаточно было бы только указать на него»[4].

Евсевий не решился не подписать Символ, содержавший в себе выражения ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιος, которым он, по-видимому, внутренне не сочувствовал. И потому в своем послании он старается подходящим образом объяснить своим единомышленникам факт подписания им Никейского Символа. Выражение «из сущности Отца» Евсевий истолковывает в неопределенном смысле «от Отца»; выражение «рожденного, несотворенного» — как утверждение лишь той истины, что «Сын не есть творение, подобное тем, которые Он Сам создал, но есть существо, превосходнейшее всякой твари». Не будучи в состоянии принять доктрину омоусиан, Евсевий замалчивает основной смысл термина ὁμοούσιος (не только единство—тождество—равенство сущности, т. е. качественных определений Отца и Сына, но и тождество — единство существа[5]) и пишет: «Единосущный — значит не другое что, как то, что Сын Божий не имеет никакого сходства с тварями, но во всем сходствует только с Отцем, родившим Его, и существует не от другой какой-либо природы и сущности, но от Отца». В другом месте того же послания Евсевий замечает: «...Не отвергли и слова «единосущный», имея в виду сохранить мир».

Несмотря на тенденциозность приводимых Евсевием разъяснений, его послание к своей пастве имеет существенное значение, а именно — как исторический документ, помогающий яснее представить себе обстановку на Соборе. Из этого послания мы узнаем о ходе соборной деятельности, связанной с составлением вселенского Символа веры; в нем

---

[1] Из свидетельства Филосторгия видно, что влиятельнейшие православные епископы — Александр Александрийский, Осий Кордубский и некоторые другие — еще до Собора сознали необходимость термина ὁμοούσιος и решили отстаивать этот термин на Соборе. См. К. Смирнов. Цит. соч., с. 208.

[2] В. Болотов. Лекции..., т. IV, с. 35.

[3] Собрание символов и вероизложений Православной Церкви. СПб., 1869, с. 42.

[4] К. Смирнов. Цит. соч., с. 88, примеч. 2-е.

[5] См. В. Болотов, Лекции..., т. IV, с. 40.

находится самый текст Никейского Символа. Наконец, оно дает нам возможность понять, насколько сложной и напряженной была на Соборе догматическая борьба между православными, с одной стороны, и оригенистами во главе с Евсевием, с другой.

Послания императора Константина (статьи XIII, XIV, XV)

Подлинность писем императора Константина оспаривалась Seeck'ом, но была неопровержимо доказана Heickel'ем в предисловии к изданному им сочинению Евсевия «Жизнь Константина» [1].

В послании к Церкви Александрийской (ст. XIII) император Константин сообщает о том, что на Никейском Соборе всё, представлявшее повод к недоумениям и разногласию, «тщательно было исследовано и точно определено» и что «более 300 епископов единогласно исповедали единую веру». Здесь же находится замечательное изречение Константина: «Признанное единогласно тремястами святых епископов есть не иное что, как мысль Самого Сына Божия, особенно когда в умах столь великих и многих мужей присутствовал Дух Святый, Который открыл им Божественную волю».

Краткое послание «ко всем епископам и народам» (ст. XIV) представляет собой декрет Константина, предписывающий предавать огню сочинения Ария под угрозой смертной казни всякому, кто попытается их скрыть. Ариан император приказывает называть позорным именем «порфирнан» [2].

Послание «к епископам, не присутствовавшим на Соборе» (ст. XV), содержит краткое сообщение о деятельности отцов собора в личном присутствии и при участии самого императора и о достигнутых при этом результатах. Наиболее подробно затрагивается вопрос о праздновании Пасхи. Уведомляя о том, что «по общему суду всех постановлено — святейший праздник Пасхи совершать всем в один и тот же день», император дает, однако, понять, что это постановление издано скорее в качестве совета, чем положительного закона [3].

Послания императора Константина сохранились у Евсевия (Жизнь Константина, III, 17—20), Сократа (I, 9), блаж. Феодорита (I, 10) и Геласия (II, 36).

§ 5. Сообщения о соборной деятельности Геласия Кизического (статьи VIII и X)

Геласий в своей «Τῶν κατὰ ἐν Νικαίᾳ συνόδου πραχθέντων σύνταγμα» (II, 12—23) приводит подробный рассказ о состязании православных епископов (Евстафия Антиохийского, Осия Кордубского, Леонтия Кесарие-Каппадокийского, Макария Иерусалимского, Евсевия Памфила Кесарийского [4] и др.) с языческими философами, якобы имевшем место на заседаниях Никейского Собора.

«Что прения между отцами Собора и философами были, — говорит в своей «Истории первых трех Вселенских Соборов» (с. 27, примеч. а) епископ Иоанн, — на это есть указания и у достоверных историков. Но что они именно таковы, как у Геласия — подлежит сомнению».

Прежде всего, невероятным представляется самое участие языческих философов в догматических спорах христианских епископов. Последние прибыли на Собор не для такого рода диалектических упраж-

[1] См. проф. А. Спасский. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов, т. I. Тринитарный вопрос. Сергиев Посад, 1914, с. 137, примеч. 2-е.

[2] Произведенным, вероятно, от имени неоплатоника Порфирия, писавшего в конце III в. сочинения против христиан.

[3] См. К. Смирнов. Цит. соч., с. 66; срав. В. Болотов. Лекции..., т. II, с. 436.

[4] Православие Евсевия не подвергается у Геласия сомнению.

ний и не для участия в публичных диспутах. Ошибочное указание Руфина (cap. 3), будто спорившие были языческими философами, было некритически повторено Созоменом (I, 18), а затем и Геласием (II, 13).

Далее, в уста Евсевия Памфила влагаются слова, решительно не соответствующие его действительным убеждениям и поведению на Соборе. «Ты предпочитаешь, несчастный, — говорит Евсевий философу, — апостольским догматам хульные слова Ария, который называет Сына Божия тварью и орудием...» «Зачем же опять повергаешься в глубину нечестия Ариева?» Конечно, Евсевий не был арианином, но он, кажется, был далек и от того, чтобы считать учение Ария нечестивым, а характерные арианские выражения — хульными словами. Правда, он признал неуместность этих выражений, подписав не только Символ веры, но и приложенное к нему анафематствование. Но мотивировка этого поступка звучит совсем по-иному, чем она могла бы звучать в устах Евсевия, изображаемого Геласием. В своем послании к пастве Евсевий писал: «Достойным принятия почли мы и обнародованное епископами анафематствование, возбраняющее употреблять слова, которых нет в Писании и от которых почти произошло все замешательство и разногласие Церквей. Так как ни в одной богодухновенной книге нет слов: «Сын Божий произошел из не сущего», или: «Было время, когда Его не было» и других, им подобных, то и неблагоприлично употреблять и высказывать их пред народом. С этим прекрасным мнением мы согласились и потому еще, что и прежде мы не имели обыкновения употреблять подобные слова».

Путаное объяснение Евсевием слов: «Господь созда Мя начало путей Своих в дела Своя (Притч. 8, 22)», суть которого сводится, в конце концов, к тому, что выражение это «относится не к Сыну Божию, но к разумной мудрости, которую Господь сотворил и дал человеку», — совершенно не соответствует ни святоотеческим изъяснениям, относящим вышеприведенные слова из книги Притчей к ипостасной Премудрости [1], ни толкованию Оригена, которое было бы наиболее уместным в устах оригениста Евсевия [2].

Возможно, что истинным зерном Геласиева рассказа явилось обращение к православию кого-нибудь из ариан, искусных в диалектике, под влиянием разумных доводов православных епископов или особого чудесного вразумления свыше [3].

§ 6. Речи, произнесенные на Соборе (статьи V, VI, VII, XVIII)

а) Приветственная речь императору Константину от Собора (ст. V)

Как сообщает Евсевий, «пред началом рассуждений епископ, занимавший первое место с правой стороны, произнес приветственную речь императору» [4]. Содержания этой речи Евсевий не передает и не называет имени произносившего ее епископа.

---

[1] См., например, у св. Афанасия, который, согласно Созомену (I, 17), «в помянутых рассуждениях начал принимать особенное участие»: «Божия Премудрость, Которой создано всё, получившее бытие, говорит сие Сама о Себе». Творения св. Афанасия, ч. 2, 1902. Слово 2-е против ариан, 44; срав. 47, 51, 53, 56 и др.

[2] Указав, что Единородный Сын Божий называется многими и различными именами, Ориген говорит: «Так, Он называется Премудростью, как это мы встречаем в словах Соломона: «Господь созда Мя...» (Притч. 8, 22—25)». См. Творения Оригена в русск. пер. Вып. 1. О началах, I, 2, 1. Изд. Казан. дух. акад., 1899.

[3] Срав., например, известный рассказ о чуде св. Спиридона, епископа Тримифунтского, совершенном им во время споров святых отцов с арианами на Соборе в Никее.

[4] Жизнь Константина, III, 11.

По свидетельству Созомена (I, 19), речь эта была произнесена Евсевием; блаженный же Феодорит говорит иное: после того, как все сели, «великий Евстафий, имевший тогда предстоятельство в Антиохийской Церкви, ...первый увенчал главу царя цветами похвал и возблагодарил неусыпное попечение его о предметах Божественных» (I, 7).

К. Смирнов, всецело доверяя показанию Созомена, полагает, что Евсевий потому-то и умалчивает об имени епископа, произносившего речь, что это был он сам. Далее Смирнов в подкрепление своего мнения приводит еще одно соображение: «В начале своего сочинения «Жизнь Константина» Евсевий говорит, что в двадцатилетие императора он произносил речь среди Собора служителей Божиих. Но так как Евсевий упоминает только об одной речи, произнесенной в двадцатилетие (царствования) Константина, — о речи на Никейском Соборе, то можно заключить, что показания первой книги (I гл.) и третьей книги (II гл.) относятся к одному и тому же факту»[1]. Упомянув затем (в подстрочном примечании) о том, что некоторые ученые (Möhler и епископ Иоанн) держатся другого мнения, опираясь на свидетельство блаж. Феодорита, Смирнов говорит: «Но так как они не представляют никаких доказательств в пользу своего предположения, то мы и не будем разбирать их мнение»[2].

Трудно согласиться с таким решением вопроса. Умолчание о себе Евсевия Смирнов относит, по-видимому, за счет личной скромности Евсевия: очевидно, последнему не удобно было назвать свое имя после того, как он сказал, что «епископ, занимавший первое место с правой стороны, произнес приветственную речь императору». Пусть так. Но не должен ли был историк поступить в таком случае иначе? А именно: или а) назвать себя (не упоминая при этом о своем сидении на первом месте) и привести текст своей речи — что, конечно, было бы гораздо ценнее, чем простое сообщение о высоком месте произносившего речь; или б) не называя своего имени (по скромности), опять-таки привести текст самой приветственной речи?

Далее, сам Евсевий указывает, что с двадцатилетием царствования Константина совпало окончание соборных заседаний[3], а не их открытие. Поэтому очень правдоподобным кажется предположение Касcодора[4], согласно которому Евстафий приветствовал императора в начале Собора, а Евсевий — по окончании его.

Следует иметь в виду, что, по крайней мере, в начале соборных заседаний Евсевий Кесарийский вряд ли мог играть выдающуюся роль (и даже занимать первое место с правой стороны). Ведь, с точки зрения многих православных, он был на положении епископа, дело которого подлежало суду Вселенского Собора, согласно решению Антиохийского Собора 324 г. Правда, мы не видим на Никейском Соборе формального расследования дел Евсевия Кесарийского, Феодота Лаодикийского и Наркисса Нерониадского, вероятно, потому, что, как справедливо замечает свящ. Д. Лебедев, «отлучение трех сиро-палестинских епископов Антиохийским Собором 324 года в Никее, по желанию императора, рассматривалось как несуществующее»[5]. Однако всё же Евсевию надлежало прежде укрепить свое положение на Соборе в качестве несомненно православного епископа, а уже потом он мог действовать в роли высокого представителя Собора. Не исключена возможность и того, что самое выступление Евсевия с предложением своего символа было более вынужденным, чем добровольным, ибо отцы Собора

[1] К. Смирнов. Цит. соч., с. 102.
[2] Там же, примеч. 2-е.
[3] Жизнь Константина, III, 15.
[4] Tripart. I, 11, с. 5.
[5] Список епископов Первого Вселенского Собора в 318 имен. К вопросу о его происхождении и значении для реконструкции подлинного списка никейских отцов. Записки имп. Академии Наук, сер. VIII, т. XIII, № 1. Пгр., 1916, с. 18—20.

могли просто затребовать у него разъяснений касательно его взглядов и отношения к арианскому учению, как у епископа, бывшего под подозрением.

Если К. Смирнов считает излишним полемизировать с Möhler'ом и епископом Иоанном, то ему следовало, по крайней мере, высказаться по поводу свидетельства блаж. Феодорита и показать, что оно не заслуживает доверия. Это представляется тем более необходимым, что сам К. Смирнов в другом месте своего труда отмечает, что «Феодорит пользовался письмами Евстафия Антиохийского»[1], с которыми предшественники Феодорита были вовсе незнакомы[2], а Евстафий «писал много сочинений против ариан, в которых, несомненно, касался и истории Никейского Собора»[3]. Не естественно ли в таком случае предположить, что и свои сведения об Евстафии, как епископе, приветствовавшем императора от лица Собора, блаж. Феодорит почерпнул из писем самого св. Евстафия?

Смирнов не приводит, однако, никаких соображений против достоверности свидетельства блаж. Феодорита. Вместо этого он заявляет: «Встречаются у Феодорита неправильные показания. Так, например, он утверждает, что приветственную речь императору на Соборе произносил Евстафий Антиохийский, что, как мы показали ранее (?), нельзя признать справедливым»[4]. Это заявление не кажется достаточно убедительным...

Нам представляется правильным свидетельство блаж. Феодорита и, напротив, ошибочным (или, вернее, неточным[5]) свидетельство Созомена. Последнее, вероятно, является результатом допущенной Созоменом ошибки — той самой ошибки, в которую впал и К. Смирнов, т. е. отождествления речей, упоминаемых Евсевием в двух разных местах «Жизни Константина» (I, 1 и III, 11), ошибки, легко объяснимой у Созомена (незнакомого с письмами св. Евстафия), но менее понятной у Смирнова, почему-то просто игнорирующего свидетельство блаж. Феодорита.

Что касается самой речи, сохранившейся в «Слове о 318 святых богоносных отцах и благочестивейшем императоре Константине» Григория, пресвитера Кесарии Каппадокийской[6], то многие ученые сомневаются в ее подлинности. Так, Hefele (I, 268) считает ее «весьма сомнительной». Проф. В. В. Болотов пишет: «Нет надобности считать подлинной речь от имени Собора императору — «Причиной же настоящего собрания и рассуждений наших — неистовый Арий...»[7]. Впрочем, из контекста речи Болотова не видно, чтобы здесь имело место решительное отрицание подлинности «Слова» пресвитера Григория.

Епископ Иоанн ставит вопрос о подлинности приводимой пресвитером Григорием речи в зависимость от того, кто́ в действительности приветствовал имп. Константина: если Евсевий, то речь неподлинна, ибо содержит выражения, которые он вряд ли мог употребить о человеке, к которому питал внутреннее расположение и после Никейского Собора; если же св. Евстафий, то «в таком случае нет никаких оснований подозревать ее в неподлинности»[8].

К. Смирнов находит неподходящим для произнесенной в начале соборных заседаний речи наличие в ней обвинения Ария в непризнании Сына Божия «единосущным и равным Отцу». «До Никейского Собо-

[1] К. Смирнов. Цит. соч., с. 284.
[2] Там же, примеч. 6-е.
[3] Там же, с. 285.
[4] Там же, с. 287.
[5] Потому что Евсевий тоже приветствовал императора речью, только не в начале, а в конце соборных заседаний.
[6] Migne. SG, t. 111.
[7] В. Болотов. Лекции..., т. III, с. 48—49.
[8] Еп. Иоанн. Цит. соч., с. 31.

ра, — говорит он, — термин ὁμοούσιος не только не был лозунгом православия, но даже был прямо отвергнут на Антиохийском Соборе против Павла Самосатского»[1]. Но Смирнов почему-то упускает здесь из виду то, что сам он справедливо высказал раньше, а именно следующее: «Более образованные православные епископы, каковы, например, Александр Александрийский, Осий Кордубский, Евстафий Антиохийский и другие, поняли необходимость свести спор на почву умозрения и внести в вероизложение философско-богословский термин, который бы, совмещая в себе смысл всех библейских изречений, изъясняющих догмат об отношении Сына Божия к Отцу, в то же время не поддавался перетолкованиям. Очень вероятно, что эти ученые представители еще до Собора, или, по крайней мере, до торжественных заседаний, наметили уже термины ὁμοούσιος и ἐκ τῆς οὐσίας, как вполне выражающие церковное учение об отношении Сына Божия к Отцу, наметили и постарались сообщить об этом православным епископам»[2].

Что же в таком случае удивительного или странного можно найти в действиях отцов Собора, которые в лице св. Евстафия в самом начале соборных заседаний решительно выдвигают ὁμοούσιος, как термин вполне православный, временное неупотребление которого было вызвано лишь недолжным использованием его в системе Павла Самосатского и который в новых исторических условиях стал поистине лозунгом православия? И не это ли именно решительное заявление св. Евстафия в своего рода «программной» речи побудило императора Константина позже оказать важную поддержку православным епископам внесением как бы от своего лица предложения: включить в символ Евсевия слово ὁμοούσιος?

К. Смирнов считает также, что самое содержание речи, приведенной Григорием, не позволяет признать ее за приветственную речь[3]. Но почему же? Ведь около половины этой краткой (может быть, переданной в сжатом виде) речи посвящено прославлению Бога за торжество христианства и восхвалению благочестия императора Константина. А отсутствие словесных хитросплетений как нельзя более отвечает личности св. Евстафия: ведь это был не придворный льстец, а подлинный ревнитель православия, явившийся на Вселенский Собор для борьбы за истину перед лицом серьезной опасности, а не для произнесения пышных и цветистых, но мало идущих к делу, речей.

Вполне понятно, что Евсевий мог быть не вполне объективен «в тех пунктах повествования, где искренняя передача действительности не подходила под его взгляды»[4], и имел свои основания обойти молчанием столь принципиальную и резкую в отношении арианства речь св. Евстафия.

Отсутствие же текста речи (или хотя бы краткого изложения ее сущности) у блаж. Феодорита проще всего объясняется тем, что он не имел под руками тех материалов, которые оказались доступными Григорию Кесарийскому.

б) Речи императора Константина (статьи VI, VII, XVIII)

Из двух речей, произнесенных в начале соборной деятельности, одна (ст. VII) была произнесена, по-видимому, на одном из частных совещаний (быть может, вслед за сожжением священнических жалоб) и представляет собой простую беседу, в которой Константин скромно просит епископов принять его в число участников Собора. Речь эта

[1] К. Смирнов. Цит. соч., с. 162.
[2] Там же, с. 138—139.
[3] Там же, с. 162.
[4] Там же, с. 191.

находится полностью у Геласия (II, 7) и частично у блаж. Феодорита (I, 7). Другая же краткая речь (ст. VI), приведенная в подлиннике у Евсевия («Жизнь Константина», III, 12) и в пересказе у Созомена (I, 19), была, надо полагать, ответной на приветствие Собора, высказанное св. Евстафием (на первом торжественном заседании). Содержание ее — выражение радости по поводу столь многочисленного собрания епископов и увещание: разрешить все волнующие Церковь вопросы в духе мира и единомыслия.

От увещательной речи, произнесенной императором Константином при прощании с отъезжавшими епископами, сохранился лишь небольшой отрывок (ст. XVIII) у Евсевия («Жизнь Константина», III, 21). Здесь император советует епископам в дальнейшем, ради общего мира и блага Церкви, высоко ценить взаимное согласие и разрешать все недоразумения в духе христианского снисхождения друг к другу.

§ 7. «Акты», не вошедшие в состав «Деяний Вселенских Соборов», изданных Казанской духовной академией

Известное издание соборных деяний Манси, кроме рассмотренных нами документов, вошедших в состав «Деяний Вселенских Соборов»[1], содержит еще так называемые «Арабские каноны и постановления» в нескольких редакциях и «Послание Никейского Собора к папе Сильвестру». Подложность этих документов не подлежит сомнению[2].

К несомненно подложным документам (spuria) относится также и известное «Прение Афанасия Александрийского с Арием на Никейском Соборе», помещенное у Migne, SG, t. 28[3].

В качестве источников для изучения истории Никейского Собора имеют известное значение так называемые «Коптские тексты Никейского Собора» (изданные трудами Г. Цеги и Ш. Ленормана, а затем Э. Ревилью) и «Сирские акты Никейского Собора» (изданные Ж. Б. Питрой)[4]. Но в качестве материалов, непосредственно относящихся к деятельности Первого Вселенского Собора, из них могут быть привлечены только списки епископов, бывших участниками Собора.

§ 8. Существовали ли «деяния» Первого Вселенского Собора (в смысле πεπραγμένα или πράξεις)?

Этот вопрос, по-видимому, следует считать решенным в отрицательном смысле. Обстоятельное и всестороннее рассмотрение всех относящихся к нему данных имеется в статье проф. А. П. Лебедева «Происхождение актов Вселенских Соборов»[5] и в сочинении К. Смирнова «Обозрение источников...» (с. 24—33).

Ограничимся поэтому лишь кратким изложением основных выводов, сделанных А. П. Лебедевым:

1) Официальным протоколированием прений и речей на заседаниях Первого Вселенского Собора никто не занимался, так как подобный обычай не возникал до времени Третьего Вселенского Собора[6].

---

[1] Материалы для русского издания «Деяний Вселенских Соборов» заимствованы из латинских изданий Labbei et Cossartii (1671), Paris, и Harduini (1715), Paris.

[2] К. Смирнов. Цит. соч., с. 337, 29 и 35—36.

[3] Там же, с. 79.

[4] В сирских актах находится открытое Cowper'ом в 1857 г. письмо имп. Константина, приглашающее епископов прибыть в Никею, где имеет состояться великий и священный Собор (вместо Анкиры).

[5] См. 2-е прилож. к соч. А. П. Лебедева «Духовенство древней Вселенской Церкви». М., 1905, с. 465—494.

[6] Впрочем, в отдельных случаях, когда это вызывалось настоятельной необходимостью, протоколирование велось и в доникейскую эпоху: достаточно вспомнить известный диспут между Павлом Самосатским и пресвитером Мальхионом на Антиохийском Соборе 268—269 гг. См. В. Болотов. Лекции..., т. II, с. 333.

2) Очень вероятно, что некоторые участники Собора (такие, как св. Афанасий, св. Евстафий, Евсевий Кесарийский) записывали по собственной инициативе, для памяти, некоторые моменты соборных прений. Однако такие записи или не были изданы ими, или вскоре затерялись.

3) Никейский Собор ограничился изданием лишь главнейших документов, относящихся к истории Собора, как-то: Символа веры, 20 правил и определений о Пасхе и египетских мелетианах. Не было, например, опубликовано определение о браке или безбрачии духовенства, хотя этот вопрос на Соборе обсуждался и по нему было достигнуто общее согласие (Сократ, I, 11).

§ 9. Списки участников Никейского Собора

Как известно, мы не имеем списка участников Первого Вселенского Собора, который в точности воспроизводил бы подлинный перечень их имен, составленный на самом Соборе. Существует около 15 списков епископов-участников Никейского Собора, однако ни один из них не может считаться точным воспроизведением оригинального перечня, находившегося в подлинных актах Собора.

Списки принято делить на систематические, т. е. такие, в которых имена епископов распределены по провинциям[1], и несистематические, где порядок имен не согласуется с таким распределением кафедр. К систематическим спискам относятся: 4 латинских (редакции I, II, III, IV), греческий — Феодора Чтеца (G)[2], коптский (K), 3 сирских (Нитрийский N, Авдишо D и Маруты T) и армянский R. На основе списков I, II, G, N, D, R составлен известный «Index patrum Nicaenorum restitutus» Гельцера, содержащий 220 имен, полученных путем тщательного критического анализа и сопоставления списков[3].

К несистематическим спискам принадлежат: арабский (B), греческий — Ватиканский (V), 3 других греческих: Синайский (S), изд. проф. В. Н. Бенешевичем[4], Иерусалимский (M) и Иерусалимский (P)[5]. По крайней мере четыре из них, а именно: B, S, P, M — являются «списками 318-ти имен»: списки B, P и M действительно содержат по 318 имен, список же S, хотя и насчитывает лишь 312 имен, однако в его оригинале их было также 318, что очевидно из сделанной в конце приписки: Ὁμοῦ οἱ ἅγιοι τὸν ἀριθμὸν τριακόσιοι δέκα καὶ ὀκτῶ.

а) Происхождение и сравнительное достоинство наличных списков никейских отцов

Иерусалимские списки M и P и синайский S, имеющие совершенно одинаковый порядок имен, несомненно, копировались с одного общего греческого списка[6]. Синайский же список, как показал еще В. Н. Бенешевич, «настолько близок к арабскому, что оба они должны считаться

---

[1] В пределах провинции имена располагаются большей частью без какой-либо определенной системы. Впрочем, В. В. Болотов показал, что в коптском списке для епископов Египта и Фиваиды приблизительно выдержан географический принцип (Рукопись В. В. Болотова, сохранившаяся в его бумагах. См. свящ. Д. Лебедев. Цит. статья, с. 22—25).

[2] Обозначения взяты из цит. статьи свящ. Д. Лебедева, с. 7, примеч. 3-е.

[3] См. Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice, armeniace sociata opera ediderunt Henricus Gelzer, Henricus Hilgenfeld, Otto Cuntz. Lipsiae, MDCCCXCVIII. Cap. XI, p. LX—LXIV.

[4] В. Н. Бенешевич. Синайский список отцов Никейского Первого Вселенского Собора. Изв. имп. Академии Наук. СПб., 1908, с. 281—306.

[5] Списки M и P, найденные В. Н. Бенешевичем в Hierosolim. Metoch., остались неизданными, но свящ. Д. Лебедев имел полную сверку их с синайским списком S. См. свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 4.

[6] Там же.

восходящими к одному и тому же прототипу»[1]. Таким образом, «списки 318-ти имен»: B, S, M и P несомненно имеют общий прототип. К последнему, в конце концов, восходит и Ватиканский греческий список[2] Свящ. Д. Лебедев считает, что этот прототип списков B, V, S, M, P произошел следующим образом: автор, «имея под руками систематический список (или разрозненные листы одного или, вероятнее, нескольких таких списков), выписывал из него несколько имен подряд, потом переворачивал несколько листов вперед (или и назад), и брал еще несколько имен, и так без всякой ясной системы делал до тех пор, пока не получил требуемое число 318 имен»[3].

При всем этом было бы большой ошибкой пренебрегать несистематическими списками на основании столь искусственного способа образования их прототипа. Не подлежит сомнению, что автор прототипа S, P, M (а, может быть, и B) заимствовал имена «из греческого систематического списка более исправного и полного, чем прототип списков I, II, III, IV, G, N, D, T, R»[4]. Более того, коптский список[5] есть «более полная и, вероятно, более древняя редакция того же самого списка, который лежит в основе и всех остальных редакций систематического списка»[6]. А есть основание думать, что «тот список (вернее, те списки) никейских отцов, разрозненные листы которого (которых) лежат в основе списка 318-ти имен, был полнее даже и коптского списка»[7].

Таким образом, коптский список, а также один или несколько разрозненных греческих списков, использованных автором прототипа «списков 318-ти имен», ближе всего восходят к оригиналу, не особенно древнему (не ранее V в.[8]), служащему архетипом всех существующих ныне как систематических, так и несистематических списков.

б) Соотношение архетипа наличных списков с подлинным никейским списком

Что же, однако, представлял собой вышеозначенный архетип и в каком отношении стоял он к подлинным спискам, составлявшимся на Соборе? Судя по характеру всех систематических списков, архетип этот заключал в себе имена, расположенные по провинциям, начиная с Египта, если не считать начала списка, где, по-видимому, стояли имена Осия Кордубского, Витона и Викентия, пресвитеров римских, т. е. немногочисленных представителей Запада[9], а также, возможно, имена первостоятелей апостольских Церквей[10].

Вопрос же об отношении наличных списков к действительным соборным спискам решается различно.

К. Смирнов склонен упоминаемый Сократом (I, 13) список, хранившийся в синодике св. Афанасия, считать копией с подлинного экземпляра актов никейских[11]. Сославшись на краткий перечень имен, заимство-

---

[1] В. Бенешевич. Синайский список..., с. 281—282.

[2] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 5.

[3] Там же, с. 6—7. Число 318 получается в «списках 318-ти имен» отчасти за счет повторения некоторых имен по 2 и даже по 3 раза (в разночтениях).

[4] Там же, с. 26.

[5] Игнорируемый Гельцером в его «Index'е».

[6] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 17.

[7] Там же, с. 47.

[8] Это ясно из того, что даже в коптском списке Наркисс Нерониадский занимает два места: 91-е, как Наркисс «Нерониадский», и 99-е, как Наркисс «Иринупольский». Ясно, что оригинал возник в то время, когда успели забыть, что Иринуполь некогда назывался Нерониадой.

[9] Срав. «Index restitutus» Гельцера.

[10] Намек на это можно усматривать в начале арабского списка (см. первые 6 имен).

[11] К. Смирнов. Цит. соч., с. 19.

ванный Сократом из списка св. Афанасия, Смирнов высказывает убеждение, что в подлинных актах Никейского Собора порядок подписей определялся, по всей вероятности, достоинством епископов и их кафедр. Так как во всех наличных (систематических) списках никейских отцов имена расположены по другому принципу (распределены по провинциям, начиная с Египта), то Смирнов приходит к тому заключению, что «положительно невозможно, по крайней мере в настоящее время, восстановить подлинный список епископов, бывших на Никейском Соборе»[1].

Иначе смотрит на дело проф. В. В. Болотов. В своей рецензии на сочинение Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность» он мимоходом высказывает следующие два положения:

1) наличные списки ведут свое начало из синодика Афанасия Александрийского;

2) ни один из наличных списков имен не ведет своего начала от копии с подлинного соборного томоса, потому что во всех епископы аранжированы уже по епархиям[2] и Египет стоит впереди всех; следовательно, в основе всех списков лежит александрийская редакция[3].

Первое из этих положений устраняет, вероятно, ошибочный, взгляд К. Смирнова на характер списка, хранившегося в синодике св. Афанасия. В самом деле, приводимый Сократом перечень вовсе не подтверждает мысли о том, что и все прочие имена списка синодика св. Афанасия были расположены в соответствии с личными заслугами епископов и достоинством их кафедр. В списке Сократа после имен представителей Запада (Осия Кордубского, римских пресвитеров Витона и Викентия (и трех предстоятелей Восточных Церквей), кафедры которых впоследствии стали во главе патриархатов) — Александра Александрийского, Евстафия Антиохийского и Макария Иерусалимского идет имя египетского епископа Гарпократиона (Ἁρποκρατίων Κυνῶν); на этом перечень прерывается с указанием, что его продолжение можно найти в синодике св. Афанасия.

В. В. Болотову, по всей вероятности, еще в 1892 г. было очевидно, что в синодике св. Афанасия после нескольких особо выделенных имен, начиная с имени Гарпократиона, следовало обычное для наличных списков перечисление имен по провинциям, начиная с Египта. Когда же в 1898 г. Гельцером было выяснено, что стоящее у Сократа имя Ἁρποκρατίων Κυνῶν есть результат слияния двух имен египетских епископов: Ἁρποκρατίων Ἀλφοκράνον и Ἀδαμάντιος Κυνῶν, то справедливость первого из вышеуказанных положений В. В. Болотова стала вполне очевидной.

Что касается второго положения, высказанного В. В. Болотовым, то оно, будучи по существу справедливым (в том, что «ни один из наличных списков имен не ведет своего начала от копии с подлинного соборного томоса, потому что во всех епископы аранжированы по епархиям»), заключало в себе, однако, по-видимому, и ошибочную мысль о позднейшем происхождении первоисточника существующих списков («аранжированы уже по епархиям, и Египет стоит впереди всех; следовательно, в основе всех списков лежит александрийская редакция»). Быть может, здесь невольно сказалось влияние идей Ревилью. Ошибку эту, как увидим дальше, исправил свящ. Д. Лебедев.

Тезисы В. В. Болотова приобрели себе всеобщее признание в науке. Их принимает Гельцер, полагая при этом, что систематический (с рас-

---

[1] К. Смирнов. Цит. соч., с. 39.

[2] Имеются в виду провинции, которые по древней терминологии назывались епархиями (см. свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с 2).

[3] В. В. Болотов. Theodoretiana. ХЧ, 1892, ч. 11, с. 151.

пределением имен по провинциям, начиная с Египта) список синодика св. Афанасия был составлен будто бы на Александрийском Соборе 362 г. (в этом Гельцер следует за Ревилью) [1]. С ними соглашается Шварц, также допускающий возможность составления подлинного списка никейских отцов, лежащего в основе наличных систематических списков, не на самом Никейском Соборе [2]. К точке зрения Болотова примыкает и В. Н. Бенешевич, считающий, что «ни одна из систематических редакций списка отцов не может считаться принадлежащей самому Собору» [3].

Словом, «в церковноисторической науке всё более и более завоевывает себе место то убеждение, что в основе систематических списков лежит подлинный список никейских отцов, если и составленный, может быть, не на самом Соборе, то всё же исторически вполне достоверный» [4].

В 1916 г. свящ. Д. Лебедев выдвинул новую точку зрения по рассматриваемому нами вопросу. По его мнению, архетип всех наличных списков весьма близок к подлинному списку епископов — участников Никейского Собора, составленному на самом Соборе. Однако этот подлинный список представлял собой не подписи епископов под актами Соборов, а список явившихся на Собор епископов (Praesenzliste). Именно этим и объясняется расположение имен по провинциям, позволявшее иметь ясное представление о наличном составе Собора.

Предположение о том, что первоисточником всех наличных списков является Praesenzliste, подкрепляется наличием в коптском списке имени Секунда, епископа Птолеманды Ливийской (№ 22) [5]. Под соборными актами подпись Секунда, как известно, отсутствовала, но в списке епископов, прибывших для участия на Соборе, имя его, как и Феоны Мармарикского, могло находиться, ибо «низложение их Александрийским Собором, как и отлучение трех сиро-палестинских епископов Антиохийским Собором 324 года, в Никее, по желанию императора, рассматривалось, очевидно, как несуществующее» [6].

Свящ. Д. Лебедев считает более чем сомнительным, что именно у Сократа сохранился первоначальный вид списка никейских отцов. «То бесспорно,— пишет он,— что начало подлинного списка никейских отцов не могло иметь того вида, в каком оно приводится в наличном тексте Сократа» [7]. Как известно, у Сократа после имен Осия, епископа Кордубского, римских пресвитеров Витона и Викентия и Александра Александрийского — до начала перечисления имен по провинциям (начиная с Гарпократиона) помещены только два имени митрополитов: Евстафия Антиохийского и Макария Иерусалимского. По этой причине «относительно списка, начало которого сохранилось в наличном тексте истории Сократа, едва ли возможно какое-либо сомнение в том, что он редактирован кем-то уже в такое время, когда патриархальная си-

---

[1] Patrum Nicaenorum nomina..., p. XLIX—L. Французский ученый-египтолог Э. Ревилью, издатель «Коптских текстов Никейского Собора», высказал мнение, что Александрийский Собор исповедников (362 г.) при участии св. Афанасия воспроизвел (хотя не совсем текстуально и не полностью), а затем и обнародовал акты Никейского Первого Вселенского Собора, незадолго пред тем уничтоженные арианами. «Коптские тексты», содержащие, между прочим, и неполный перечень имен никейских отцов (список К из 165 имен), являются, по мнению Ревилью, переводом на коптский язык подлинных актов Александрийского Собора 362 г.

[2] E. Schwartz. Zur Geschichte des Athanasius, VII (Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse, 1908, Heft 3).

[3] В. Бенешевич. Синайский список..., с. 282, примеч. 1-е. Срав. 2-й тезис В. В. Болотова.

[4] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 2.

[5] В списках I, II, III, G, N, D, R, равно как и в «Index'е» Гельцера, имя Секунда Птолемаидского неправильно помещается в числе епископов провинции Египта. Подпись Феоны Мармарикского не сохранилась ни в одном из наличных списков.

[6] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 18—20.

[7] Там же, с. 14, примеч.

стема установилась окончательно, когда, кроме епископов двух столиц — Рима и Константинополя — патриархами признаны были только епископы Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский; следовательно, едва ли не после Халкидонского собора»[1]. Однако «список никейских отцов, который имел под руками Сократ[2], resp. тот копиист его истории, который придал данному месту его настоящий вид, был в существенном аналогичен с другими дошедшими до нас списками, расположен был по провинциям с Египтом на первом месте»[3].

Из вышеизложенного видно, что все существующие списки участников Никейского Собора — как систематические, так и несистематические — восходят к архетипу, очень близкому к подлинному перечню епископов, составленному на самом Никейском Соборе и хранившемуся в синодике св. Афанасия.

в) Неполнота наличных списков

Гельцер утверждает, что в настоящее время нет возможности восстановить имена всех епископов — участников Никейского Собора. Его «Index restitutus» содержит лишь 220 имен.

Как показал свящ. Д. Лебедев[4], «с высокой степенью вероятности можно утверждать, что на Никейском Соборе действительно присутствовали 5—6 епископов, имена которых сохранились только в коптском списке и «списке 318-ти имен»[5]. Таким образом, «Index» Гельцера мог бы быть восполнен до 225—226 имен.

Архетип существующих списков имел, конечно, гораздо больше имен. «Списки никейских отцов переписывались не часто; проходили не только десятилетия, но и столетия прежде, чем рукопись со списком никейских отцов находила себе переписчика; по истечении такого срока она становилась настолько пострадавшей от времени, что многого в ней уже нельзя было разобрать; концы листов отрывались, и вследствие этого число имен в списке постепенно сокращалось. Этим, конечно, и объясняется тот факт, что наличные списки никейских отцов содержат всего около 220 имен, тогда как на деле на Никейском Соборе присутствовало 250—270 (?) епископов. Недостающие 30—50 имен постепенно утрачены в рукописях»[6].

«Бесспорный факт неполноты всех никейских списков показывает, что отсутствие какого-либо имени во всех наличных списках не может служить доказательством, что этого имени не было и в оригинальном списке»[7].

Выше уже говорилось о том, что список подписей, стоявших под «деяниями» Никейского Собора, до нас не дошел, поэтому и характер его остается пока совершенно неизвестным. Впрочем, К. Смирнов склонен думать, что своеобразный перечень имен никейских отцов, приводимый Геласием[8], передает действительный порядок, в каком они были расположены на подлинном экземпляре актов Никейского Собора. К сожалению, перечень Геласия содержит только 12 имен епископов. Но расположение их действительно как будто соответствует тому принципу, которого придерживались Вселенские Соборы, начиная с Третьего: вслед за именами Осия Кордубского, Витона и Викентия, Александра,

---

[1] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 14, примеч.

[2] Т. е. список из синодика св. Афанасия.

[3] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 14. Шварц полагает, что из наличных списков ближе всех стоит к списку из синодика св. Афанасия, которым пользовался Сократ, список Феодора Чтеца.

[4] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 30—59.

[5] Там же, с. 66.

[6] Там же, с. 17.

[7] Там же, с. 20.

[8] См. Migne, SG, t. 85, col. 1309—1312 и col. 1341—1344.

Евстафия и Макария помещены имена нескольких митрополитов: Леонтия Кесарие-Каппадокийского, Александра Фессалоникского, Нунехия Лаодикийского, Цецилиана Карфагенского и некоторых (по-видимому, особо уважаемых) епископов из разных провинций.

§ 10. Число участников Первого Вселенского Собора

1-е правило Второго Вселенского Собора (бывшего всего лишь 56 лет спустя после Собора Никейского) начинается словами: «Вера трехсот осьмнадцати отцов, собиравшихся в Никее Вифинской, да не отменяется...»

Как известно, участники Никейского Собора: св. Афанасий Александрийский, св. Евстафий Антиохийский и Евсевий Кесарийский — называют различные цифры, говоря о числе епископов, бывших на Первом Вселенском Соборе [1].

Гельцер, сопоставляя между собой данные, находящиеся в различных посланиях св. Афанасия [2], приходит к заключению, что слова δέκα καὶ ὀκτὼ в тексте Ep ad Iovianum (у Theodoret. Hist. eccl., IV, 3, ed. Vales) и в тексте Ep. ad Afras, c. 2, являются позднейшей вставкой, и потому считает, что св. Афанасий называл только цифру 300 (в Ep. ad monachos, c. 66; в Ep. de synod., c. 43 и др.).

Как ни удивительно, вслед за Гельцером этот странный вывод принимает за истину и свящ. Д. Лебедев. Он пишет: «В наличном тексте творений Афанасия Великого число никейских отцов определяется в 318 в Ep. ad Afros, c. 2 (тогда как в Hist. arian. ad monachos, c. 66: τριακόσιοι πλεῖον ἢ ἔλαττον, в De synod., c. 43 — просто τριακόσιοι). Но та же цифра стоит и в письме Афанасия Великого к императору Иовиану у Theodoret. Hist. eccl., IV, 3, 9 (ed. Parmentier, S. 215); тогда как в этом же письме, как оно издано в творениях Афанасия Великого, число епископов опущено. Отсюда Гельцер справедливо (!?) заключает, что и в Ep. ad Afros слова τριακοσίων καὶ δέκα καὶ ὀκτὼ представляют собой такую же вставку в наличном тексте, как и в письме к Иовиану у Феодорита. Подобным образом и Сократ (I, 8, 9) цифру Евсевия 250 (Eus. Vit. Const., III, 8) заменяет цифрой 300» [3]. Мало того. Разделяя точку зрения Гельцера и считая «далеко не бесспорным, что цифра 318 принята была, как число никейских отцов, уже Афанасием Великим» [4], свящ. Д. Лебедев развивает эту точку зрения до крайних выводов: «Не подлежащими сомнению свидетелями цифры 318 Гельцер считает Иеронима, Епифания, Илария, Руфина и Амвросия. Но, ввиду указанной им же истории этой цифры в творениях Афанасия Великого, позволительно поставить вопрос; не интерполирована ли эта цифра и в творениях этих церковных писателей? После этого мне совершенно непонятно, каким образом Гарнак в последнем, 4-м издании своей «Dogmengeschichte» (Tübingen, 1909, II, 227) мог высказаться в том смысле, что число епископов Никейского Собора по временам действительно составляло, может быть, 318: zeitweilig vielleicht wirklich 318 (в 3-м издании — Freiburg i. B. und Leipzig, 1894 — у него стоит вместо того: schwerlich wirklich 318)» [5].

Стóит, однако, внимательно вчитаться в текст вышеозначенных мест из творений св. Афанасия, чтобы убедиться в том, что св. Афанасий

---

[1] У св. Афанасия встречаются две цифры: 300 и 318 (см. далее); св. Евстафий называет приблизительное число: около 270 (Феодорит, I, 8); Евсевий — более 250 (Жизнь Константина, III, 8).

[2] Patrum Nicaenorum nomina..., p. XLV—XLVI.

[3] Свящ. Д. Лебедев. Цит. ст., с. 2—3, примеч.

[4] Там же, с. 2.

[5] Там же, с. 2—3, примеч.

нигде не противоречит себе и что обе приводимые им цифры 300 и 318 имеют каждая свой вполне определенный смысл.

1) Διὰ τοῦτο γὰρ καὶ οἰκουμενική, γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ σύνοδος, τριακοσίων δέκα καὶ ὀκτὼ συνελθόντων ἐπισκόπων περὶ τῆς πίστεως διὰ τὴν Ἀρειανὴν ἀσέβειαν —«Для того и был Вселенский Собор в Никее из 318-ти сошедшихся епископов, чтобы, по причине арианского нечестия, рассудить о вере» [1].

2) Οἱ μὲν οὖν Πατέρες ἡμῶν οἰκουμενικὴν σύνοδον πεποιήκασι, καὶ τριακόσιοι πλεῖον ἢ ἔλαττον συνελθόντες κατέκριναν τὴν Ἀρειανὴν αἵρεσιν —«Отцы наши составили Вселенский Собор и, сошедшись в числе более или менее 300, осудили арианскую ересь» [2].

3) Οὐ χρὴ δὲ φιλονεικεῖν, οὐδὲ τῶν συνελθόντων τὸν ἀριθμὸν συμβάλλειν ἵνα μὴ δοκῶσιν οἱ τριακόσιοι τοὺς ἐλάττονας ἐπικρύπτειν... Οἱ πάντες γὰρ καθὰ προείρηται, Πατέρες εἰσί —«Нет надобности усиленно спорить и сличать собравшихся, чтобы не показалось, будто бы число 300 затмевает собой меньшее число... потому что, по сказанному выше, все они отцы» [3].

Не очевидно ли, что св. Афанасий отличает «318 епископов» от «отцов наших, сошедшихся в числе более или менее 300», т. е. полное число подписавшихся под изложением веры епископов от числа действительно принявших его всем сердцем православных святителей (иное дело, что, говоря словами В. В. Болотова, «не всем (убежденным, что арианство осуждено справедливо) была присуща уверенность, что полемические средства, как ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιον, не заключают в себе опасной крайности)» [4]. Так как самому св. Афанасию весьма трудно было определить число ревностных противников православия, скрепя сердце подписавшихся под символом веры и особенно под анафематствованием Ария, то он и определяет вторую цифру приближенно: «более или менее 300», тогда как первую называет точно: 318.

Есть, правда, и такие места, где св. Афанасий говорит о «300 епископах». Однако в этих случаях контекст показывает, что речь идет только об искренних сторонниках Никейского Собора:

4) «Констанций... в ничто обращает целый Собор 300 епископов и самих епископов заточает» [5]. Очевидно, речь идет только о православных епископах, из которых наиболее ревностные и выдающиеся были гонимы Констанцием, этим «христоборным вождем нечестия» [6].

В тексте послания к Иовиану (у Миня и в творениях св. Афанасия в русск. перев.) число участников Собора действительно отсутствует, но, кажется, по вполне объяснимой причине:

5) «И чтобы ведало благочестие твое... потщились мы приложить здесь веру, исповеданную епископами в Никее. Итак, сия вера, исповеданная отцами в Никее, такова: Веруем...» [7].

Не тавтологию, а сочетание двух различных мыслей склонны мы видеть здесь. Св. Афанасий обращает внимание императора Иовиана на то, что:

а) никейская вера исповедана (искренне или только наружно) всеми участниками Вселенского Собора, т. е. является верой вселенской;

б) она есть вера истинно православная, ибо ее единодушно исповедали отцы Церкви на Вселенском Соборе.

---

[1] Ep. ad Afros, c. 2. Migne, t. 26, col. 1032; Творения св. Афанасия в русск. перев., ч. 3, 1903, с. 277.

[2] Hist. arian. ad monachos, c. 66. Migne, t. 25, col. 772; Творения св. Афанасия, ч. 2, 1902, с. 159.

[3] De synod., 43. Migne, t. 26, col. 768—769; Творения св. Афанасия, ч. 3, с. 149.

[4] В. Болотов. Лекции..., т. IV, с. 41.

[5] Послание к монахам, 67. Творения св. Афанасия, ч. 2, с. 160.

[6] Там же

[7] Творения св. Афанасия, ч. 3, с. 177; срав. Migne, t. 26, col. 817—818.

При таком сочетании мыслей указание одной цифры было бы неполным, а двух — неудобным, ибо могло вызывать недоумение, вследствие чего св. Афанасий и не называет здесь никакого числа.

Есть основание думать, что В. В. Болотов смотрел на цифры 300 и 318 у св. Афанасия именно так, как мы это изложили. Определив численность арианской партии [1], он ставит далее вопрос: как велико было число защитников православия? И отвечает: «Естественно предположить, что защитниками православия были остальные — 300 епископов» [2].

Что касается варианта послания св. Афанасия, приведенного в наличном тексте творений блаж. Феодорита, то здесь действительно, по-видимому, имеем вставку: «Итак, чтобы твое благочестие знало... веру, исповеданную в Никее (318-ю) епископами, мы вознамерились изложить ее. Она такова: Веруем...». Мы видим, что вставка сделана человеком, считавшим себя вправе устранить мнимую тавтологию: и уж, конечно, это был не блаж. Феодорит, а кто-то не проводивший различия между епископом и отцом Собора.

После всего сказанного полагаем, что нет никаких оснований подвергать сомнению ясное и точное указание св. Афанасия на число епископов, участвовавших в соборной деятельности и подписавших важнейшие «деяния» Собора. Их было 318, и не следует решительно заявлять, что цифра эта «заимствована из Библии (Быт. 14, 14)» [3]. Не удивительно, а, напротив, естественно и понятно, что А. Гарнак в 4-м издании своей «Dogmengeschichte» исправил погрешность, допущенную им в 3-м издании его труда. Ведь истина рано или поздно побеждает! «Zeitweilig vielleicht wirklich 318» следует, конечно, переводить: «в известный момент [4], может быть, действительно 318».

Относительно показаний св. Евстафия («около 270») и Евсевия («более 250») нужно заметить, что их достоинство уступает точному показанию св. Афанасия. В отношении св. Евстафия это ясно из его собственного свидетельства, приведенного блаж. Феодоритом: «Говорю: «около», потому что по многочисленности собравшихся не могу с точностью определить числа их, да притом я и не исследовал этого с особенной заботливостью» [5]. Недостоверность же показаний Евсевия [6] была очевидна Сократу, который, цитируя Евсевия, исправляет его выражение «числом более 250» на: «числом более 300» [7], приближаясь, таким образом, к показаниям св. Афанасия.

Можно предположить, что показания св. Евстафия и Евсевия возникли на основе их знакомства со списком участников Собора в той стадии, когда еще не все епископы успели прибыть в Никею.

ВЫВОДЫ

1. Официальным протоколированием речей и прений на заседаниях Первого Вселенского Собора, по-видимому, никто не занимался, и таким образом «деяния» Никейского Собора в смысле πεπραγμένα или πράξεις не существовали.

2. Никейский Собор ограничился изданием лишь главнейших документов, относящихся к деятельности Собора, а именно: Символа веры, 20 правил и соборного послания к Церкви Александрийской, в котором

---

[1] «Партия ариан насчитывала около 20 человек». Лекции..., т. IV, с. 28.
[2] Там же, с. 29.
[3] Как это, к сожалению, делает вслед за другими и свящ. Д. Лебедев.
[4] Т. е. по прибытии всех епископов в Никею.
[5] Блаж. Феодорит, I, 8.
[6] Жизнь Константина, III, 8.
[7] Сократ, I, 8.

кратко сообщается о решениях по вопросу о праздновании Пасхи и касательно Мелетия и мелетиан.

3. Из этих трех документов актами Собора, т. е. соборными определениями, доводимыми до сведения Церквей в качестве обязательных церковных законов, являются два: Символ веры и 20 правил Никейского Собора. Третий документ, т. е. соборное послание к Церкви Александрийской, является кратким письменным изложением соборной деятельности и содержит в себе извещение о принятых на Соборе решениях и постановлениях.

4. Все три перечисленных документа были скреплены подписями участников Собора и утверждены императорской печатью, что придавало им силу государственных законов. Подлинные экземпляры этих документов, хранившиеся в государственном архиве, или хотя бы их полные копии (с включением перечня имен подписавшихся епископов) до нас не дошли. Однако благодаря сохранившимся отрывкам мы располагаем вполне достоверным текстом: Символа веры с приложенным к нему анафематствованием Ария и 20 правил Никейского Собора, а также приблизительным текстом соборного послания к Александрийской Церкви.

5. Из 19 статей, включенных в 1-й раздел 1-го тома сборника «Деяний Вселенских Соборов», изданного на русском языке Казанской духовной академией (Собор Никейский Вселенский Первый, с. 15—90 — по 3-му изд. 1911 г.; с. 16—84 — по 2-му изд. 1887 г.), материалами, относящимися непосредственно к деятельности Первого Вселенского Собора, являются 14 статей (V—XVIII). Остальные 5 статей (I—IV и XIX) имеют лишь косвенное отношение к истории этого Собора.

6. Из упомянутых 14 статей наиболее важны те, которые содержат текст главных соборных документов (IX, XI, XVI). Статьи VIII и X, содержащие сообщения о соборной деятельности Геласия Кизического, научной ценности не имеют.

7. Существующие списки участников Никейского Собора — как систематические, так и несистематические — восходят к архетипу приблизительно V в., очень близкому к подлинному регистрационному перечню епископов, составленному на самом Никейском Соборе и хранившемуся в синодике св. Афанасия.

8. Удалось восстановить 225—226 имен участников Никейского Собора. Остальные имена утрачены в результате обветшания рукописей, содержавших списки отцов Собора. Доводы, выдвигавшиеся против числа 318 (т. е. традиционно принимаемого числа епископов — участников Первого Вселенского Собора), не могут быть признаны достаточно убедительными.